

Бэй Гу стоял за колючими зарослями на крутом горном склоне, скрываясь в сером полумраке. Сквозь редкие сухие ветви он холодно наблюдал за Фэн Чунгуаном, который изо всех сил сражался с противником впереди.

Жизнь, смерть, родина, империя — ничто из этого не имело для него значения. Возможно, реальность стерла все его надежды, уничтожив и желания. Разлуки, печали и радости других людей в этом мире больше не касались его.

Сегодня, если он убьёт Фэн Чунгуана, власть в империи переменится, и мир погрузится в хаос. Но что из этого? Даже если Фэн Чунгуан правит миром, обращаясь с ним, как с облаками в ладони, сейчас он — всего лишь рыба на разделочной доске, ожидающая своей участи.

Зимний лес был безжизненным, и взгляд Бэй Гу отражал ту же пустоту.

Его пальцы не переставали тереть узоры на ножнах меча, а взгляд рассеянно скользил по фигуре человека, отчаянно борющегося за жизнь. С порывом ветра его большой палец остановился, затем резко поднялся, и холодный клинок вышел из ножен...

— Стоп! — крикнул Ван Цзэвэнь. — Не то! В твоих глазах слишком много эмоций. Бэй Гу в этот момент не стал бы проявлять чувства!

Линь Чэн на секунду замер, затем кивнул, показав, что понял режиссёра.

И так этот эпизод застопорился.

— Стоп! Слишком пусто. У тебя уже мертвый взгляд!

— Не так! Слишком сосредоточен на камере. Не смотри на неё краем глаза!

— Стоп! Не то ощущение!

— Нет, нет, ещё раз! Обрати внимание на движения тела. Твое действие с мечом должно быть жестче, резче.

Крупный план, пять дублей подряд, и атмосфера на площадке накалилась.

Сегодняшний лимит ошибок был исчерпан, и дальнейшие промахи приведут к тому, что Ван Цзэвэнь перейдёт в режим жесткой критики.

Линь Чэн заметил, как изменились выражения лиц окружающих, и сам напрягся. Его и без того бледное лицо стало совсем бескровным.

Гань-дядюшка в душе ругнул Ван Цзэвэня, но вслух успокоил Линь Чэна:

— Не принимай близко к сердцу то, что он ни скажет. Он такой, ругается, а на следующий день забывает.

Недалеко от них Ван Цзэвэнь с мрачным лицом шёл большими шагами, его поведение выглядело весьма агрессивным.

Все подумали: неужели он собирается ударить? Но это же новичок, разве стоит так реагировать?

Ван Цзэвэнь произнес свою знаменитую фразу:

— Что с тобой происходит?!

Все вздохнули с облегчением: как и ожидалось!

Они ещё не знали Ван Цзэвэня достаточно хорошо. Режиссёр резко повернулся и начал ругать другого человека:

— Почему ты стоишь так странно? Ты что, специально встал перед ним, чтобы мешать его эмоциям? И ещё разговариваешь с ним, о чём ты вообще говоришь?!

Звукооператор опоздал с реакцией:

— ...??

Какое это имеет отношение к нему? Разве гравитация Земли виновата?

Он огляделся и встретил множество сочувствующих взглядов, затем стиснул зубы, сдерживая обиду.

Ладно, ради новичка он потерпит.

Линь Чэн всё ещё был в растерянности, когда кто-то схватил его за правую руку. Неизвестно, от холода или от напряжения, он невольно вздрогнул.

Этот дьявол — посмотри, до чего он довёл бедного Линь Чэна!

Ван Цзэвэнь тоже удивился его реакции, слегка нахмурившись. Линь Чэн уже собирался извиниться, но режиссёр, стараясь говорить спокойно, сказал:

— Смотри на камеру, но не закливайся на ней. Техника работы в кино отличается от телевидения, ты не должен так явно следить за камерой. Расслабься, ты слишком напряжён.

С Линь Чэном он вёл себя совсем не так, как с остальными, грубыми мужиками.

В голове у каждого промелькнула одна и та же мысль — Ван Цзэвэнь, чёрт возьми, явно выделяет его!

— Твой взгляд не доходит до нужного уровня, но я верю, что ты сможешь. Попробуй ещё раз, — сказал Ван Цзэвэнь.

На самом деле взгляд Бэй Гу был лишь мимолётным кадром, как вспышка меча, а не крупным планом. Важнее было движение его руки, и то, что он сделал, уже подходило.

Но Ван Цзэвэнь считал, что если на таком раннем этапе съёмки актёр не может передать нужные эмоции, то что будет дальше? Он решил добиться идеального кадра.

Режиссёр задумался, затем вдруг обернулся:

— Какой взгляд я хочу? Тот, который был у тебя, когда ты впервые увидел меня!

Когда он впервые увидел Ван Цзэвэня?

— Не договаривались! — подсказал режиссёр.

Линь Чэн промолчал. Остальные недоуменно переглянулись: о чём речь?

Линь Чэн приготовился к жёсткой критике, но Ван Цзэвэнь лишь бросил эти несколько слов и ушёл. Актёр немного растерялся, затем собрался и продолжил работу.

На седьмом дубле сцена наконец была снята.

Все вздохнули с облегчением, Линь Чэн тоже расслабился.

Ван Цзэвэнь небрежно откинулся на спинку кресла, держа в руках грелку, и с саркастической улыбкой сказал:

— Если кто-то ещё будет рассказывать на площадке страшилки обо мне, вводить новичков в заблуждение, мешать съёмкам и нарушать гармонию в команде... хех.

Все замолчали.

Они ничего такого не говорили. Просто все обладают острым зрением.

Если бы они могли загадать желание Аладдину, их общим пожеланием было бы — чтобы Ван Цзэвэнь обрел хоть немного здравого смысла.

После этой части съёмок сделали ещё несколько кадров, затем перешли к драматической сцене Линь Чэна и Го Иши.

К этому моменту Бэй Гу уже спас Го Иши, и его мысли колебались между убийством и пощадой, трудно сказать, что перевешивало.

Фэн Чунгуан, вероятно, тоже это понимал, но он был умным человеком и лишь выразил Бэй Гу бурную благодарность.

Бэй Гу холодно смотрел на него. На все его попытки заговорить он отвечал молчанием. Фэн Чунгуан делал вид, что ничего не замечает, и с энтузиазмом приблизился к нему, начав беседу.

Бэй Гу почувствовал скрытое напряжение и осторожность в его поведении. Осторожные попытки принца угодить ему доставляли ему некоторое удовольствие, поэтому он не стал действовать, а просто следовал за ним.

Как охотник, решающий, когда убить свою добычу.

Линь Чэн продолжал сохранять свой ледяной взгляд, стоя напротив Го Иши в роли фонового персонажа, даже не двигаясь.

Классический китайский язык трудно запомнить, особенно в такую холодную погоду. Язык Го Иши словно заплетался, и он никак не мог правильно произнести реплики. Из-за этого они несколько раз переснимали сцену.

— Прости, — сказал Го Иши, выглядевший подавленным. — Я выучил текст, но...

— Ничего страшного, — ответил Линь Чэн.

Они посмотрели друг на друга и увидели в глазах одинаковое напряжение, затем улыбнулись.

Ассистент поднес сценарий к Го Иши, и тот, с покрасневшими руками, с трудом открыл страницу, продолжая запоминать текст.

Сегодня всё шло не так, и Ван Цзэвэнь, похоже, тоже был задет. С мрачным лицом он вышел на перерыв, выкурил две сигареты, чтобы успокоиться, и вернулся к съёмкам.

Линь Чэн закончил свою роль фонового персонажа, и на этом его съёмочный день завершился.

Он уже собирался уходить, но Ван Цзэвэнь остановил его:

— После того, как все закончат работу, возьми сценарий и записи и приходи ко мне в номер. Ты знаешь, где я живу?

— Знаю, — ответил Линь Чэн.

Ван Цзэвэнь, не настроенный на разговоры, лишь кивнул:

— Хорошо.

Сегодняшние съёмки затянулись. В девять вечера Линь Чэн подождал некоторое время, прежде чем отправиться к Ван Цзэвэню.

Когда он пришёл, в комнате было ещё несколько человек.

Ван Цзэвэнь и его команда сидели внутри, потягивая алкоголь и обсуждая работу. Линь Чэн вошёл со сценарием в руках, и знакомый помощник режиссёра предложил ему присесть.

Линь Чэн коротко поздоровался со всеми и тихо сел.

Ван Цзэвэнь вытащил из стопки бумаг одну тетрадь и бросил её Линь Чэну:

— Это записи Лю Фэна с обсуждения сценария. Посмотри, сможешь ли ты разобрать.

Линь Чэн открыл тетрадь и пробежался глазами по хаотичным, неразборчивым записям.

— Ты уже прочитал весь сценарий? Сколько раз? — спросил Ван Цзэвэнь.

— Прочитал. Не знаю, сколько раз, — ответил Линь Чэн.

— Что понял?

Режиссёр задал вопрос скорее для проформы. В конце концов, сейчас мало кто серьёзно подходит к съёмкам фильмов. В киноиндустрии, благодаря влиянию опытных режиссёров, всё ещё сохраняются строгие правила. А вот в телевидении, как говорят, царит хаос. Любительские постановки, актёры, которые приносят своих сценаристов и добавляют сцены на ходу, или вообще не учат текст — не говоря уже о том, чтобы вникать в роль.

Линь Чэн снимался в сериалах много лет, и Ван Цзэвэнь интересовался, не перенял ли он дурных привычек.

Линь Чэн немного помедлил, затем сказал:

— Я написал... небольшую характеристику персонажа.

Ван Цзэвэнь поднял бровь, держа в зубах незажженную сигарету, и сказал:

— Покажи.

Линь Чэн передал ему тетрадь, лежавшую под рукой.

— Всего около 800 слов. В последние дни было слишком утомительно, времени не хватило, — сказал Линь Чэн. — Позже я доработаю.

<http://bllate.org/book/16818/1564654>